

От Аввакума до большевиков

В издательстве Пизанского университета как результат сотрудничества итальянских и израильских ученых вышла книга иерусалимских славистов. Исследование посвящено поэтической книге Максимилиана Волошина, созданной в годы революции и гражданской войны, «Демоны глухонемые» (книга вышла в 1919 г. в Харькове маленьким тиражом, была переиздана в 1923 г. в Берлине).

И судьба, и творчество М. Волошина с 1917 г. действительно уникальны. Не было, кажется, другого поэта со столь индивидуальной позицией, с таким провидческим пониманием происходящего. Он не примкнул ни к одному лагерю или какой-либо «группировке», как произошло тогда почти со всеми, а понял свое предназначение в том, чтобы «всеми силами своими молиться за тех и за других», «в дни революции быть Человеком, а не Гражданином». М. Волошин писал: «...человек мне важнее убеждений. Поэтому единственная форма активной деятельности, которую я себе позволял, — это мешать людям расстреливать друг друга. И пока довольно удачно» (из письма 1919 г.).

Авторы подробно и документально обоснованно излагают историю волошинской «книги о революции» от возникновения замысла и в последовательности всех этапов работы над ней. Первостепенное значение в реконструкции истории текста занимает эпистолярное наследие поэта. В переписке — важнейшие комментарии и пояснения к стихам 1917-1919 гг., а также реакция М. Волошина на прочтение и понимание его стихов другими — читателями, своеобразная «обратная связь». Друзья становились «распространителями» его стихов. Поэтому совершенно справедливо предположение авторов исследования: «Возможно, что именно с этого времени написания Волошиным ноябрьских и декабрьских стихотворений 1917 г. следует отсчитывать историю российского самиздата». Важность этого явления глубоко осознавал и сам поэт, о чем его позднейшие строки:

Мои ж уста давно замкнуты... Пусть!

Почетней быть твердым наизусть

И списываться тайно и украдкой,

При жизни быть не книгой, а тетрадкой. («Дом поэта»).

Поэт, настаивавший на точности (и слова, и реалий) своих стихов, и здесь говорит о том, что в действительности было: «В 1919 году белые и красные, беря по очереди Одессу, свои прокламации к населению начинали одними и теми же словами моего стихотворения «Брестский мир». Эти явления — моя литературная гордость... они [стихи] распространяются по России в тысячах списков — вне моей воли и моего ведения».

Системные законы организации книги М. Волошина, предлагаемые авторами исследования, позволяют понять глубинное многообразие смысла текста: «Начав с Божественного обоснования происходящего (стихотворение «Демоны глухонемые»), Волошин на материале «Ангела Мценя», «Пламенников Парижа» и «Путей России» открыл закон человеческого заблуждения в истории общества — личность в своей гордыне отождествила себя с Божественным замыслом и собственному действию приписала характер орудия (поэма «Протопоп Аввакум»)

Волошин не был философом в абстрактном смысле. Его поэзия — это его философия истории. Он видел и черпал в истории многоплановость, необходимую искусству, а сопряжение отдаленных эпохами исторических событий, аналогий приводило его к открытию страшной пророческой сути происходящего. И определения Волошина как «первого в России исторического поэта», «поэта истории» (Е. Эткинд) — точны без малейшего преувеличения. Так же, как и утверждение авторов исследования, что «русский поэт сумел разглядеть изначальный смысл исторических событий — многовековой раскол русской нации, определивший всю кровавую и мятежную летопись от Аввакума до большевиков». Именно об этом его поэтическая книга «Демоны глухонемые», в которой, кажется, воплощена сущность революций вообще, — а также и другие стихи и поэмы этих лет.

В современных ему событиях революции Волошин прозревал «моральную идею Святой Руси» как «самосожжение»: ее жертвенный подвиг он видел в том, что опыт России, «эксперимент», в итоге спасет Европу и европейскую культуру — он сыграет роль «прививки», иммунитета.

Исследование З. Давыдова и С. Шварцбанда о поэтической книге М. Волошина базируется на оригинальной предлагаемой авторами методологической новации. Исходя из общей теории систем, на ее основе они воссоздают системную модель книги и исследуют динамику системы. Здесь авторы исходят из убеждения, что для историка литературы предметом изучения должен быть только существующий отдельно целостный художественный текст, функционирующий как поэтическая динамическая система. В этом смысле их работа является открытой для плодотворной научной дискуссии. Новая книга о поэзии М. А. Волошина определенно демонстрирует, что «самое чтение поэта есть уже творчество» (И. Анненский).

Главный принцип организации книги Волошина, как следует из анализа, определился поиском ответа, «восхождением» к ответу сквозь историю (причины революции 1917 г. поэт видел в духовном расколе нации, от этого исторического условия — будет ли духовный раскол преодолен или нет — и зависят «пути России»), а от него — к поэтическому пророчеству: «Системная организация книги позволяла понять то соотношение «идей и мнений» поэта во «дни революции», которое определило ее «пророческое» содержание и художественную целостность». Это в свою очередь согласуется с одним из основных выводов книги:

«Годы ученичества», как и «Годы странствий» были не только этапами становления *подлинного и великого поэта* М. А. Волошина, вершиной творчества которого стали не сонеты, не верлибры или же стихи о Киммерии, но цельная, трагическая и, не побоимся сказать, *единственная* «книга о революции» — *поверх всех других и над всеми другими открывшая* задолго до лагерей и «перестроек» отнюдь не только «лики русских усобиц», но и крестный путь к победе Поэта и Человека над Историей».

Иерусалим

ВАЛЕНТИНА БРИО

З. Давыдов, С. М. Шварцбанд. «...И голос мой — набат». О книге М. А. Волошина «Демоны глухонемые». ЕСІГ, изд-во Пизанского университета, 1997.

ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ
Стих. Максимилиана Волошина
♦ Изд-во КАМЕНА, 1919 ♦

